

Wagner

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ К БИОБИБЛИОГРАФИИ УЧЕНЫХ СССР

К-1
С-----
1329

Серия литературы
и языка,
вып. 14

ПАВЕЛ НАУМОВИЧ
БЕРКОВ
(1896—1969)

Вступительная статья
Д. С. Лихачева

Библиография составлена
Р. И. Кузьменко и Н. Д. Кочетковой

Издательство «Наука»

Москва 1982

КРАТКИЙ ОЧЕРК НАУЧНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1

Павел Наумович Берков родился 14 декабря (по новому стилю) 1896 г. в г. Аккермане Бессарабской губернии, ныне Белгород-Днестровский Одесской области. Аккерман — древний город, история которого восходит еще к VI—V веку до н. э. Он был когда-то одним из центров финикийской торговли, а затем античной культуры Северного Причерноморья, в котором процветала не только торговля, но и ремесла. Мальчиком П. Н. увлекался историей родного города, его археологическими древностями. Своими культурными интересами и трудолюбием он многим обязан семье, в которой родился и вырос. Отец Павла Наумовича — зубной врач, — человек с немалыми культурными запросами. В семье любили книги, в домашней библиотеке имелись энциклопедии и справочники. Отец любил наводить справки по книгам, пытливо добивался точных сведений по каждому вопросу, волновавшему в начале века среднюю интеллигентную семью. Он развил в мальчике любознательность. Много сделал для развития культурных интересов мальчика и брат — позднее преподаватель математики в средних учебных заведениях. Гимназия, в которой учился П. Н., имела хорошую библиотеку. Была в Аккермане и неплохая городская библиотека. Здесь можно было найти многие научные издания: в частности, полный комплект Записок Новороссийского (Одесского) общества истории и древностей, что сыграло немалую роль в развитии археологических интересов П. Н. Беркова.

В гимназии преподавали опытные, широкообразованные педагоги. Латинист В. Д. Тузенко привил своему ученику интерес к латинскому и греческому языкам, к античным древностям. Интерес к русской литературе развил преподаватель словесности В. И. Зо-

симович-Дидьковский. В шестом классе последнего сменил Д. Д. Дыбяк. Он обязал учеников каждую неделю подавать ему письменные работы, что имело огромное значение в развитии навыков письменной речи.

Увлекала П. Н. и математика, и, как уже было сказано, у него рано проявился интерес к аккерманским древностям. Он читал все, что относилось к прошлому Аккермана, делал из книг выписки, научился снабжать их точными библиографическими списками и составлять библиографию вопроса. Когда в 1911 г. в Аккерманскую гимназию был переведен историк Х. Х. Зенкевич, автор книги о Пантикапее, он нашел для себя неоценимый материал в тетради, принадлежавшей маленькому гимназисту.

Были у П. Н. и небольшие открытия. Гимназистом он собирал на берегу античную керамику и особенно интересовался клеймами, которые ставили в свое время базарные старосты (агораномы) на гончарных изделиях как разрешение на их продажу. Как-то, наблюдая за работой землечерпалки, выбрасывавшей на берег песок со дна моря Днестровского лимана, П. Н. нашел клеймо с надписью *σοχρατεύς*. Этого клейма в справочниках не оказалось. Поняв, что часть территории античного города была затоплена некогда Днестровским лиманом, П. Н. стал усиленно собирать в этом районе керамику. Он составил неплохую коллекцию, в которой были обломки чернолаковой посуды, керамические ручки сосудов с клеймами, не знакомыми предшествующим исследователям. Коллекция его стала широко известна, и когда в 1912 г. в Аккерман приехал видный археолог, профессор Одесского университета Э. фон Штерн, он захотел познакомиться с мальчиком и его коллекцией. С волнением П. Н. принес ученому часть своих древностей. Состоялась долгая беседа. На следующий день уже вместе ходили они на раскопки. Ассистент Э. фон Штерна тоже заинтересовался юным исследователем и спросил его, что он собирается делать по окончании гимназии. Узнав о его желании стать археологом, ассистент спросил: «А читали ли вы «Слово о полку Игореве»?». Услышав отрицательный ответ, прибавил: «Когда прочтете «Слово», — окончательно решите, кем вам быть».

В 40-м году, накануне Великой Отечественной войны, почти

тридцать лет спустя, П. Н. Берков прочел в отчете Э. фон Штерна о раскопках, производившихся им в Аккермане: «У одного гимназиста есть недурная коллекция чернолаковой керамики». Этим собственно и ограничивается след гимназических увлечений П. Н. аккерманскими древностями. Но в формировании его как ученого увлечение это сыграло очень серьезную роль. Оно научило его работать со справочниками, разыскивать необходимую литературу, правильно составлять библиографию изучаемого вопроса, делать точные ссылки, неустанно собирать материал. Но было в этом детском научном увлечении и нечто еще более значительное: интерес к предмету занятий стал для П. Н. на всю жизнь интересом к Родине, к родной культуре. Когда для мальчика Родина была по преимуществу родным городом, — он увлекался аккерманскими древностями. Когда же мальчик вырос и горизонт его расширился, — предметом его занятий на всю жизнь стала русская культура. Помогли ему понять свою связь с Россией и ее многовековой культурой первые тяжелые испытания, которым подверглось еще неокрепшее его чувство к родной ему стране.

Это случилось в 1914 г. В марте умер отец П. Н. Младший брат отца, служивший земским врачом в Череповце, пригласил юношу к себе на лето. Началась война. Жили они на даче в семи верстах от железнодорожной станции. Когда П. Н. возвращался домой, к станции его везла крестьянка, только что проводившая мужа на войну. «Война нужна только господам. Что я буду делать теперь одна с хозяйством?» — говорила она. Вернувшись в Аккерман, П. Н. рассказал в гимназии об этих поразивших его словах крестьянки. В результате он был в двадцать четыре часа уволен из VII класса гимназии за «антипатриотические настроения». Пришлось проходить курс самому и экзамены на аттестат зрелости сдавать экстерном.

На классическое отделение историко-филологического факультета Одесского университета П. Н. поступил уже после февральской революции 1917 г., но слушать лекции не пришлось. После смерти отца семья нуждалась, и П. Н. поступил преподавателем в гимназию Общества ревнителей просвещения в местечке Татарбунары, а в Одессу приезжал только для сдачи экзаменов. Вско-

ре Бессарабия отошла к Румынии. Граница была закрыта, и в 1918 г. П. Н. оставил Одесский университет. Связь с Россией была потеряна и для продолжения образования П. Н. пришлось ехать в Вену. Тяжело переживал он отрыв от Родины.

Приехал П. Н. Берков в Вену ранней весной. На факультете лекции начинались в разное время и большинство с осени. Между тем на египтологическом отделении были предметы, которые только что начинали читаться. Это в известной мере случайное обстоятельство побудило П. Н. поступить на египтологическое отделение. Кроме занятий египтологией он слушал близкие к ней предметы, в частности сравнительную семитологию.

Однако тоска по России побудила П. Н. Беркова заняться славяноведением. Последнее было представлено здесь довольно средними силами. Возглавлял кафедру проф. Г. Юберсбергер, историк. Правда, с осени 1921 г. лекции по фонологии читал Н. С. Трубецкой, но фонология мало заинтересовала П. Н. Свою докторскую диссертацию, написанную на немецком языке, он посвятил «Отражению русской действительности конца XIX века в творчестве Чехова». Проф. Г. Юберсбергер написал о диссертации: «Эта работа стоит выше уровня работ, представляемых в качестве докторских». Работа была принята. Она зарегистрирована в «Библиографии диссертаций, защищенных в Венском университете» (имеется в Библиотеке АН СССР). Рукопись диссертации находится в Венском университете, который П. Н. закончил с отметкой в дипломе «Summa cum laude».

Сразу же по приезде в Вену П. Н. Берков принял советское подданство. По окончании университета он послал в Москву, Петроград и Иркутск просьбы о приеме его на работу. Отдел народного образования ответил из Петрограда: «Приезжайте, на работу устроим, но настоящее письмо не должно рассматриваться как вызов на работу». Советское полпредство в Вене разрешило П. Н. выехать по этому письму в СССР. Первые годы по приезде (с 1923 г. по 1929 г.) П. Н. заведовал в Петрограде 48-ой советской трудовой школой (бывшая Пятая гимназия). Преподавал в ней русский язык и литературу. В 1925 г. он стал сотрудником второго разряда Института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Во-

стока (ИЛЯЭВ) при Ленинградском университете, впоследствии преобразованного в Институт речевой культуры. Здесь он стал заниматься литературой XVIII в. и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ранний период русской литературной историографии» (1929).

Когда на базе Археографической комиссии и собрания акад. П. Н. Лихачева в Ленинграде был организован Институт книги, документа и письма Академии наук СССР, П. Н. Берков стал в нем заведующим отделом книги. Одновременно он оставался старшим научным сотрудником и заведующим учебной частью Института речевой культуры.

В 1934 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР была организована Группа по изучению литературы XVIII века. Руководителем ее был акад. А. С. Орлов, ученым секретарем — Г. А. Гуковский. С этой Группой П. Н. был связан всю свою жизнь — как штатный ее сотрудник, как занятый в ней по совместительству и как работающий «на общественных началах». Вначале он был ее членом, а позже — бессменным руководителем и вдохновителем работ.

Здесь был центр изучения XVIII века, а следовательно и центр исследовательской деятельности самого П. Н. Беркова. Работая в качестве доцента, а затем профессора Ленинградского университета, старшего научного сотрудника Историко-археологического института или Института языка и мышления АН СССР, он неизменно оставался «полпредом» этой Группы, представителем той науки, основой которой прочно стал Пушкинский Дом.

В 30-е годы Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР представлял собой крупнейшее в мировой науке литературоведческое учреждение. Помимо русской литературы, здесь изучался во всем его объеме русский фольклор и литература Западной Европы. На открытые заседания научных отделов Института стекались все специалисты города, много студентов и преподавателей средних школ. Заседания эти были всегда оживленными, вопросы, на них обсуждавшиеся, выходили за рамки плановых занятий, по которым работал Институт.

Сотрудники Института — выдающиеся ученые — с большим

вниманием относились к научным докладам, сами активно участвовали в заседаниях отделов, все это создавало ту высокую научную атмосферу, в которой посчастливилось работать Группе XVIII века. В обстановке дискуссий, широко проводимых на самом высоком уровне, оттачивались и крепились научные убеждения П. Н. Беркова.

Начиная с 1934 г. одновременно с работой в Пушкинском Доме, П. Н. преподает в Ленинградском университете, вначале как доцент, а затем как профессор. Во время Великой Отечественной войны он был профессором и заведующим кафедрой русской и всеобщей литературы Киргизского государственного педагогического института (Пржевальск — Фрунзе). Там же он был старшим научным сотрудником Киргизского филиала Академии наук СССР, однако его исследовательская деятельность продолжала быть в основном связана с Пушкинским Домом.

2

Как бы ни были разнообразны научные интересы П. Н. Беркова (о них мы скажем в дальнейшем), в этом разнообразии не было случайности. Широта его научного кругозора отражала не случайности биографии, а ее закономерности. Наука теснейшим образом была связана с жизнью П. Н., а жизнь эта — движима стремлением воскресить прошлое близкой ему культуры, близких по духу людей. Эта культура — русская культура.

П. Н. Берков был прежде всего культуровед, исследователь и знаток эпохи, книжности, литературы изучаемой им страны и времени. И в этом изучении культуры им прежде всего двигал интерес к людям. Позволю себе привести выдержку из его книги «О людях и книгах», характеризующую его позиции в этом вопросе: «... я глубоко убежден, — писал П. Н., — что, когда мы говорим, что любим книгу, мы не осознаем того, что любим умного, доброго, человеческого автора, создавшего ее, любим его героев, увлекающих и волнующих нас своими прекрасными человеческими качествами, любим людей, украшавших ее своими иллюстрациями, любим неизвестных нам типографов и переплетчиков, вложивших в нее свой

талант, изобретательность, умение, понимание красоты, свое желание доставить читателю радость и наслаждение ею как произведением особого, высокого искусства — искусства книги»¹. Сказанное П. Н. о любви к книгам может быть с полным основанием распространено на любую из тех многочисленных областей человеческой культуры, которыми он занимался. Всюду — в литературе, театре, журналистике, литературной историографии, библиографии, библиотековедении или библиофильстве — он искал прежде всего человека.

Закljučая свою книгу «Ломоносов и литературная полемика его времени», П. Н. говорил: «Автор не может не признаться, что ни Ломоносов, ни Тредиаковский, ни Сумароков не были для него отвлеченными схемами, а представляли живые, реальные фигуры»².

Такого рода заявления П. Н. о том, что писатели для него прежде всего люди и что в каждом явлении культуры ценны прежде всего личности людей, которые за ним стоят, отнюдь не риторические. Они выражают самую суть подхода П. Н. к предмету своих исследований. Так, например, говоря о преобразованиях Петра I, П. Н. указал, что они стали возможны только благодаря наличию «в тогдашней Москве таких людей, как Л. Магницкий, В. Киприянов и другие. Именно это явилось фактом, объясняющим историческую закономерность преобразований Петра»³. Эта точка зрения П. Н. далеко еще не оценена в исторической историографии, а между тем именно в ней ключ к объяснению связей эпохи петровских реформ с XVII в.

П. Н. Беркова не интересовал факт сам по себе, как и концепция сама по себе. Он не собиратель фактов и не создатель концепций, которые в большинстве своем оторваны от действительности. Он

¹ Берков П. Н. О людях и книгах: (Из записок книголюбца). М.: Книга, 1965, с. 7—8.

² Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936, с. 286.

³ Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 — январь 1725 г./Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 20.

стремился «воскресить прошлое», «воскресить» жизнь и людей, восстановить забытое в его целостном органическом единстве. Если угодно все же называть эти восстановленные им картины прошлого концепциями, то необходимо оговорить, что это не логические построения, а живые воссоздания. Автор стремился учесть конкретную взаимосвязь множества явлений, отчетливо представить себе, что было в действительности.

Концепция творчества Крылова, созданная П. Н., — это прежде всего образ Крылова — человека и писателя. То же следует сказать и о Ломоносове, которому П. Н. посвящает свои исследования и чьи сочинения публикует начиная с 1937 г. Эта особенность исследовательской манеры П. Н. характерна и для его работ о Сумарокове и о многих других писателях, изучением творчества которых он занимался.

Способность воссоздавать образ эпохи менее всего свойственна тем ученым, которые логизируют историко-литературный процесс, сводят его к двум-трем основным линиям, к двум-трем движущим силам. П. Н. обладал редкой способностью видеть множественность жизненных явлений и улавливать в этой множественности лицо эпохи, ее индивидуальность.

Он воскрешал прошлое как исследователь, восстанавливал недостающие звенья, объяснял непонятное, приводил в связь явления, которые казались случайными. Он не «пейзажист» прошлого, а его ученый реставратор, стиравший с карты прошлого белые пятна. П. Н. восстанавливал факты, которые сами слагались в определенное целое, абсолютно при этом достоверное, если достоверны исследуемые факты. Он шел индуктивным методом науки, а не методом дедуктивного восстановления прошлого.

Вся научная деятельность П. Н. была основана на его интересе к людям прошлого и настоящего. Поэтому в нем не было научного эгоцентризма, специальной заботы о борьбе за свою концепцию, об отстаивании своих взглядов. Для работ П. Н. характерно отвращение ко всякого рода внешним эффектам и легкомысленным предположениям, не подкрепленным достаточным количеством фактов. Отсюда его стремление к точности, к установлению конкретных фактов, к раскрытию псевдонимов и анонимов, восстановлению

несправедливо испорченных репутаций, к распутыванию сложных узлов человеческих взаимоотношений. Во всем этом П. Н. прежде всего стремился понять человека, найти в нем лучшие побудительные причины его деятельности, в чем сказывалась и его любовь к справедливости. Поиски истины для П. Н. были в какой-то мере и поисками справедливых оценок. Вот почему он иногда выходил за сферу привычных тем и занимался, например Куприным, тогда, когда им еще никто не занимался⁴. Вот почему он интересовался и теми вопросами, которые до него почти никто не изучал или которые считались не существенными для той или иной эпохи. Он обратился, в частности к польско-русским отношениям XVIII в., восстанавливал репутацию Игнация Быковского⁵, пропагандировавшего русскую литературу в Польше, устанавливал факт перевода русских авторов на польский язык.

XVIII веком П. Н. начал заниматься в годы, когда подлинно научное изучение литературы этого времени только зарождалось. Вместе с покойным Г. А. Гуковским он стал создателем современной науки о литературе XVIII в., основателем советской школы ее исследователей.

Свою кандидатскую диссертацию «Ранний период русской литературной историографии» П. Н. защитил весной 1929 г., за полгода до защиты диссертации Г. А. Гуковским. Обе диссертации послужили первой вехой в новом подходе к литературе XVIII в. В них впервые выступала во всей своей значительности роль XVIII в. в историко-литературном процессе.

Отдельные исследования П. Н. по XVIII в. посвящены прежде всего М. Ломоносову, В. Тредиаковскому, А. Сумарокову, А. Кантемиру, В. Капнисту, В. Лукину, М. Хераскову, В. Петрову, Д. Фонвизину, Н. Новикову, А. Радищеву, Н. Николеву, Н. Карамзину, И. Крылову. Интересовали его и малоизвестные писатели XVIII в. — П. Буслаев, М. Собакин, И. Шишкин, П. Суворов и многие другие.

⁴ Берков П. Н. Александр Иванович Куприн: Критико-биографический очерк. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956, 194 с.

⁵ Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 50—52.

В своей статье о П. Н. Беркове Г. П. Макогоненко хорошо сказал, что «любимые темы Павла Наумовича — трудные»⁶. Это отчасти объясняет, почему именно основной круг своих исследований П. Н. посвятил XVIII в. XVIII век в русской литературе в то время, когда П. Н. Берков и Г. А. Гуковский стали им заниматься, был наиболее неисследованной эпохой русской литературы. Эта эпоха полна малоизвестными именами и непроясненными фактами. В XVIII в. было множество псевдонимных и анонимных произведений. Это эпоха, в которую свирепствовала цензура и писатели вынуждены были высказывать свои мысли путем аллюзий, иносказаний и намеков. Сложно переплетались в ней рукописная традиция с печатным словом. Это была эпоха, в которую завязывались узлы, распутать которые призван был уже XIX век. Все это представляло немалые соблазны для исследователя, с самого начала предпочитавшего трудные задачи легким.

Были и другие причины, заставившие П. Н. заниматься XVIII веком. Это эпоха переходная, эпоха, связывающая собой два огромных и очень различных периода русской литературы — древнюю русскую литературу, обнимающую семь первых веков в развитии русской литературы, и новую. Между тем именно культурные и литературные связи во всем их разнообразии и многообразии больше всего привлекали исследовательскую пытливость П. Н. Человек для него — прежде всего член сообщества. Писатель в его представлении связан с литературным окружением, с литературной полемикой и борьбой своего времени, его творчество входит в литературное направление, которое писатель так или иначе олицетворяет. Особый интерес представляли для П. Н. традиции, связи эпох, связи литератур различных народов. Поэтому его интересовала переводческая деятельность, осведомленность одного народа о другом, литературные взаимосвязи, взаимное изучение литератур. Со всех этих точек зрения XVIII век представляет собой исключительный интерес. Он характеризуется тесными связями ряда стран Западной Европы, усилившейся переводческой деятельностью, первым знакомством

⁶ Макогоненко Г. Павел Наумович Берков: (К семидесятилетию со дня рождения). — Рус. лит., 1966, № 4, с. 251.

Запада с произведениями русской литературы, литературной и журнальной борьбой.

В то же время XVIII век интересовал П. Н. не только как предмет исследования, век этот для него — живая эпоха, к которой он чувствует особую симпатию. Каждая эпоха обладает своей индивидуальностью. XVIII век — эпоха консолидации национальных черт русской литературы, и, очевидно, любовь П. Н. к этой эпохе являлась свидетельством его глубокого патриотизма.

Изучая человека, П. Н. имел в виду человека социального, человека с его воззрениями, убеждениями, эстетическими вкусами, человека как представителя определенного слоя населения, нации и эпохи. Этим подходом к объекту исследования П. Н. разительно отличался от предшественников.

В предисловии к своей книге «Ломоносов и литературная полемика его времени» (1936) П. Н. писал: «Лишь в книге Г. А. Гуковского «Русская поэзия XVIII века» (1927) сделана была попытка осознать полемику между Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым как борьбу литературных группировок, а не как персональную склоку»⁷.

Личность человека для П. Н. — это не свойства его характера, а прежде всего мировоззрение, идеология, литературные вкусы и убеждения. Столкновения Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова (в разных комбинациях) литературоведы XIX в. «выводили из их личных свойств: тщеславия, завистливости, неуживчивости, вспыльчивости, скверного характера и т. д. Социальных причин за этими «личными дрязгами» не видели...»⁸, — писал П. Н. Берков.

Благодаря такому подходу к личности писателя перекидывается широкий мост между изучением писателя как личности и изучением историко-литературного процесса, изучением литературных направлений. Специально классицизму посвящена работа П. Н. «Проблемы изучения русского классицизма» (1964). Вот почему так существенны для характеристики П. Н. его книга «Ломоносов и литературная полемика его времени» (1936) и статья «Проблема

⁷ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936, с. 1—2.

⁸ Там же, с. 1.

литературного направления Ломоносова» (1962). В них он стремился определить и уточнить своеобразие классицизма Ломоносова и Сумарокова, их различные положения в этом едином течении.

П. Н. Беркова интересовал также вопрос о характере, сущности и своеобразии русского просвещения. Он организовал конференцию по этой проблеме, а затем издание сборника статей «Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века» (1961), открывающегося его исследованием «Основные вопросы изучения русского просветительства»,

Монография П. Н. Беркова «История русской журналистики XVIII века» (1952) — много шире объявленной в ее заголовке темы. В ней П. Н. раскрывает не только историю, но и роль журналистики в литературном развитии XVIII в. Особо подчеркивает он значение «частной журналистики» в формировании прогрессивной общественной мысли и освободительного движения. Он показывает, что именно прогрессивная журналистика «подготавливала в недрах классицизма будущие успехи и конечное торжество реализма». Журналистика была главной ареной идейной борьбы и литературного формирования писателей XVIII в. Поэтому «История русской журналистики XVIII века» в какой-то мере явилась и историей русской общественной мысли и литературной борьбы того времени.

Эта книга хорошо характеризует умение П. Н. показать значение отдельных изучаемых им вопросов, глубину подхода к избранной теме, всесторонне ее исследовать, рассматривая каждый вопрос комплексно, в его взаимосвязях с другими вопросами, в единстве его историко-культурных аспектов.

П. Н. Беркова нельзя назвать специалистом только в области литературы. Он изучал XVIII век в широком историко-культурном плане. П. Н. интересовала не только литература, но и наука того времени, состояние каждого дела, журналистика, театр, история интеллигенции как таковой.

Значителен вклад, внесенный П. Н. в изучение истории драматургии и театра XVIII в. И здесь следует отметить масштабность его интересов. Он изучает «высокую» трагедию, комедии, школьный театр, городской театр и театр народный. Занимался он драматургией Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Капниста, Лукина.

Особо следует выделить серию его замечательных статей о драматургии Фонвизина, внесших важные материалы в характеристику творчества последнего: «„Завещание Панина“ и „Недоросль“ Фонвизина» (1945), «О „Чистосердечном признании“ Фонвизина» (1945), «К хронологии произведений Д. И. Фонвизина» (1946), «Материалы для биографии Д. И. Фонвизина» (1946) и обобщающая статья «Театр Фонвизина и русская культура» (1947). Русская культура, ее своеобразие, ее формирование, консолидация в ней ее национальных черт стоит и в этом случае как конечная цель всех разнообразных исследований П. Н.

В области изучения народного театра следует остановиться на значении одной статьи П. Н.: «Вероятный источник народной пьесы „О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе“» (1957). В изучении не только русского народного театра, но и всего народного творчества в целом серьезным тормозом представляется не изжитая до сих пор боязнь исследователей обнаруживать некоторые литературные источники народных произведений. Указать литературное происхождение того или иного фольклорного произведения считалось, да и считается до сих пор, равносильным признанию в том, что исследователь разделяет идеи Наумана об аристократическом происхождении фольклора. В результате не только сужается изучение источников фольклора, но и устанавливается неправильная точка зрения на фольклор, как на совершенно автономную область с господством «самозарождения» сюжетов. П. Н. не побоялся разрушить этот барьер, искусственно отделявший фольклор от всей остальной национальной культуры, и веско обосновал свое утверждение, что автор народной пьесы «Царь Максимилиан» творчески отразил в своем произведении виденную им школьную драму на тот же сюжет.

К народной драме П. Н. обращался не раз, собрав, опубликовав, прокомментировав и обобщив весь ее репертуар в книге «Русская народная драма XVIII—XX веков» (1953).

Большое внимание уделял П. Н. межнациональным связям культур и литератур. И это не случайно. Национальные культуры лучше всего раскрываются в своем своеобразии, когда вступают в общение друг с другом. Национальная культура растет во взаи-

модействии с другими культурами, усваивая, перерабатывая, частично принимая чужое, выбирая из этого чужого то, что отвечает ее потребностям.

Взаимодействия и связи изучаются П. Н. во всем многообразии: здесь и литературные влияния, и заимствования, и переводы с одного языка на другой, и изучение в одной стране литературы другой страны, а также непосредственные контакты (вроде обучения украинцев и русских в университетах Польши и Германии), театральные постановки иностранных пьес и многое другое.

С чувством патриотической гордости занимался П. Н. вопросами изучения русской литературы на Западе. Этому посвящены его исследования: «Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке» (1930), «Изучение русской литературы во Франции» (1939), ряд статей о переводах «Слова о полку Игореве» на западноевропейские языки и об изучении «Слова» на Западе (1935, 1938, 1941, 1947). Та же тема получила свое освещение в его работах «Русско-польские литературные связи в XVIII веке» (1958, 1960), «Русская литература XVIII века и другие славянские литературы XVIII—XX вв. (В порядке постановки вопроса о литературных контактах)» (1963), «M. Alopäus' Vorlesung über russische Poesie in Göttingen im Jahre 1769» (1932/1933) «Deutsch-russische kulturelle Beziehungen im 18. Jahrhundert» (1957, 1958), «Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730: Trediakovskij et l'abbé Girard» (1958) и др.

Изучает П. Н. и обратные связи: влияние иностранных литератур на русскую. Эта сторона межнациональных связей нашла себе специальное освещение в его исследованиях, посвященных отношению к творчеству Диккенса (1930), истории первоначального знакомства русского читателя с Гете (1932), русскому вертеризму (1932), русским откликам на смерть Вольтера (1947), английским пьесам в России в 1760—1770-е годы (1958), гастролям французской ярмарочной группы в Петербурге в 1727—1728 гг. (1957), канцеляну английской фактории в России Томасу Консетту (1962) и многим другим.

Для характеристики принципов изучения П. Н. межнациональных связей показательна его работа «Ранние русские переводчики

Горация» (1935), в которой он показывает, что именно отбирал Тредиаковский из литературного наследия Горация для своих переводов, что казалось Тредиаковскому актуальным для русского читателя и как трансформировалась поэзия Горация в стихах Тредиаковского. Автор блестяще доказал, что эти переводы были связаны с обличениями аристократов и имели целью нравственное воспитание русского общества.

Общим проблемам изучения межнациональных литературных связей посвящены две работы П. Н.: «Мировое значение русской классической и советской литературы» (1950) и «Проблемы изучения межнациональных литературных отношений. (Литературный обмен, национальные традиции, литературное новаторство и национальная специфика литературы)» (1962).

Нетрудно заметить, что межнациональные связи изучались П. Н. в очень широком масштабе, в частности хронологическом (от древней литературы до советского периода).

Одним из первых обратился П. Н. к систематическому изучению литератур народов СССР. Начать это изучение побудили его практические нужды преподавания курса соответствующих литератур в высших учебных заведениях, однако его интерес к исследованию взаимосвязей отразился и здесь. Влияние русской литературы на литературы армянскую, грузинскую, киргизскую и др., источники осведомленности русских писателей в литературе других народов СССР — вот его основные темы в этой области.

П. Н. Беркову принадлежат работы о Хачатуре Абовяне и Аветике Исаакяне, Важа Пшавела и Шота Руставели, белорусском писателе Виталии Вольском, киргизском поэте Д. Боконбаеве и киргизском народном эпосе «Манас», об Андрее Улите. Он занимался и переводами В. Брюсова с армянского (1962), и отражением поэзии В. Брюсова в армянской поэзии (1962), занимался Шота Руставели в русской литературе (1938) и Пушкининым в литературах народов СССР (1950), «Записками охотника» в литературах народов СССР (1955) и еще более широкой темой: «Революция 1905—1907 годов и литература народов СССР» (1955). Немаловажное значение имеют статьи П. Н., посвященные разработке преподавания литературы народов СССР в высших учебных заведениях и в средней

школе: «Необходимо широкое обсуждение» (1951), «О преподавании литературы народов СССР в высшей школе» (1951), «Киргизская литература в школе» (1944), «К вопросу о принципах построения антологии киргизской литературы» (1944).

Занимался П. Н. и вопросами начала болгарской литературы (1961) и трагедией болгарского писателя А. П. Шопова «Смъртьта на княза Потемкина» (1959), творчеством Г. Мопассана (1932, 1935) и переводами с китайского на белорусский (1954). В литературе XX в. П. Н. интересовали Горький и Куприн (творчеству последнего он посвятил специальную книгу, 1956) и особенно Валерий Брюсов. П. Н. занимался литературными направлениями XVII — начала XIX в. (барокко, просвещение, классицизм) и литературоведческой терминологией (1963). Однако шире и богаче всего представлены в списке его научных трудов книги и статьи по вопросам источниковедения: библиографии, библиофильства, библиотековедения, текстологии, историографии.

3

Внимание П. Н. к человеку, к автору как личности, позволили ему оживить самые, казалось бы, сухие материалы. В источниках он умел увидеть не только разрозненные сведения о человеке, но и отражение самой личности его. Интерес к человеку — это не только особенность исследовательских тем П. Н. — это особенность и его научной методологии. Последняя позволила ему создать новую методику анализа источников. В этом отношении особенно показательна его работа «Литературные интересы Ломоносова» (1962). Ломоносов составлял списки книг, которые рекомендовал Библиотеке Академии наук для выписки из-за границы. На основании этих списков П. Н. выяснил круг интересов Ломоносова, круг источников, которыми он пользовался, и показал, чем могла заинтересовать его та или иная книга. Сухие списки ожили, оказались сами освещены личностью Ломоносова и осветили в нем неизвестные дотеле стороны его личности, характер его книжных интересов. Источниками его осведомленности в книгах были немецкие и французские журналы, публиковавшие рецензии на научные и литературные издания.

Для характеристики литературных позиций Ломоносова П. Н. использовал его замечания, пометки и подчеркивания текста на принадлежавшем ему экземпляре трактата Третьяковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов».

Источником для характеристики научных интересов изучаемых П. Н. авторов стал и состав их библиотек, история последних, даже история отдельных книг (см. его статью «Личные библиотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, М. Горького)» (1963) и книгу «О людях и книгах» (1965).

Большую роль в открытиях литературоведов играет обычно случайность: случайно открываются те или иные новые тексты, документы, книги. Исследователь часто руководствуется только интуицией, не придавая особого значения полноте и систематичности обследования материалов. Что же касается П. Н., то в своих работах он уделял особое внимание именно полноте и систематичности рассмотрения целых групп материалов. Вот почему его так интересовало исследование истории журналистики, истории библиотек тех или иных деятелей культуры как комплексов, в которых отразилась личность владельца, репертуара литературных произведений и, разумеется, библиография и библиографическая эвристика. В предисловии к своей книге «Введение в изучение истории русской литературы XVIII века» (1964) П. Н. писал: «И сейчас исследователь на каждом шагу ощущает недостаточную разработанность, даже невыявленность нужных источников, неполноту и случайность библиографии предмета, отсутствие критической истории науки»⁹. Отмечая, что со времени Великой Октябрьской социалистической революции «количество фактического материала» значительно выросло, он тем не менее подчеркивает, что «на многих подобных находках лежит печать случайности»¹⁰. От случайных находок к систематическому описанию архивных материалов; к составлению списков книг граж-

⁹ Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII в. Ч. 1: Очерк литературной историографии XVIII в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964, с. 5—6.

¹⁰ Там же, с. 6.

данской печати ¹¹, к изучению истории журналов и журналистики, истории литературной и театральной терминологии ¹², полных библиографий ¹³ и истории науки. Вот тот новый, трудный, но принципиально верный путь, на который вступил сам П. Н. и который стал благодаря ему единственным строго научным путем литературоведческого источниковедения.

Знаменательно, что, даже оценивая труды библиографов прошлого, П. Н. учитывал моральные качества их составителей, их общественные и идейные позиции. Труды по библиографии ценны для П. Н. не только своими чисто специальными качествами, но и отражением в них личности библиографов, их личных интересов, их индивидуальных склонностей. С этой стороны характерны такие его работы, как «Идеологическая позиция В. С. Сопикова в «Опыте российской библиографии» (1938), «Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955» М. В. Сокуровой и некоторые вопросы из области теории и истории библиографии» (1956), «О библиографических трудах по русской периодической печати» (1956), «А. В. Мезьер — библиограф-романтик» (1962).

Выдающийся теоретик библиографии, труды которого в этой области получили мировое признание, П. Н. и здесь оставался историком культуры, историком людей прежде всего.

Вот почему для него библиография неразрывно связана с библиотековедением, с библиофильством, с историей печати, журналистики, книжной торговли. П. Н. Берков — книговед в широком

¹¹ Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г./ Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 626 с.

¹² Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII вв. («комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.) (1955). Очерк развития русской литературоведческой терминологии до начала XIX в. (1964) и др. Интересные и важные соображения о значении терминов «славистика» и «славянская филология» см. в работе «Международное сотрудничество славистов и вопросы организации славяноведческой библиографии» (1958).

¹³ «Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955» М. В. Сокуровой и некоторые вопросы из области теории и истории библиографии (1956).

смысле этого слова, а книговедение сливалось для него с человековедением.

Он любил книгу живую, книгу, даваемую конкретными людьми, отражающую человеческую индивидуальность тех, кто ею пользовался и пользуется, покупает, собирает, хранит, дарит, пропагандирует, извлекает из нее сведения или делает предметом своих исследований.

В своем интересе к библиографии, к судьбе книг, к установлению мельчайших фактов литературной истории П. Н. следовал велению своей всепоглощающей любви к русскому прошлому, к русской культуре. И в известной мере как признание должно рассматриваться его заявление последних лет: «Любя книгу, мы любим явление культуры определенной эпохи, любим те сгустки человеческого ума чувства, воли, которые проявились в содержании и форме книги»¹⁴. В приведенной цитате особенно значительное место, где автор говорит о любви к «явлениям культуры определенной эпохи». Такой «определенной эпохой» для П. Н. являлся, как уже указывалось выше, прежде всего XVIII век — русский XVIII век. Под «определенной эпохой», с которой связана книга, он подразумевал, что книга не может рассматриваться сама по себе: она связана со своей эпохой, представляет собой продукт этой эпохи. Об одной из изучаемых им книг П. Н. писал: «Для меня эта книга не редкость, сохранившаяся в пяти или шести экземплярах, а памятник человеческого творчества и человеческих судеб»¹⁵.

Последовательно изучал П. Н. и тех, кто до него исследовал писателей и книголюбов. Историография истории литературы была для него прежде всего историей людей, историей исследователей. Он рассматривал историографию как часть человековедения, а человековедение — как борьбу с забвением, которая требует восстановления справедливости, установления правильных оценок людей прошлого и своих современников.

П. Н. Беркову принадлежит большое число статей об историках литературы: советских, дореволюционных и иностранных. Следует

¹⁴ Берков П. Н. О людях и книгах: (Из записок книголюбца), М.: Книга, 1965, с. 8.

¹⁵ Там же, с. 18.

упомануть его статьи о таких советских исследователях, как В. П. Адрианова-Перетц, М. П. Алексеев, Г. А. Гуковский, В. М. Жирмунский, Н. В. Здобнов, П. И. Лебедев-Полянский, А. В. Луначарский, Н. К. Пиксанов и многие другие. Если учесть, что каждый из этих литературоведов охарактеризован автором на фоне движения советского литературоведения, можно считать, что П. Н. создал тем самым довольно полную историю советского литературоведения.

П. Н. Беркову принадлежит также большое число статей о представителях старого академического литературоведения (А. Н. Веселовский, А. И. Кирпичников, Н. А. Котляревский, И. Е. Мандельштам, П. П. Пекарский и другие). Немало статей посвятил он иностранным литературоведам. Есть у него статьи о библиографах, библиофилах и языковедах.

Усиленно занимаясь историографией литературы, изучая в частности, литературу XVIII в., П. Н. энергично и многократно указывал, что это изучение не должно становиться самоцелью. Историография должна быть на службе у современности. Она может помочь выявить укоренившиеся в науке неверные представления, ошибки и их источники, установить правильные точки зрения на литературный процесс, предостеречь от новых заблуждений. «Високой связи с современностью, — писал П. Н., — с задачами, стоящими перед нынешним этапом нашего литературоведения, литературная историография утрачивает свое прямое назначение — помогать литературоведу в его постоянной, повседневной работе. Напротив, она становится в таком случае балластом для памяти, «знанием для знания», весьма привлекательной областью занятий для коллекционеров фактов, бесполезной для ученого, живущего интересами своей эпохи»¹⁶.

«Литературная историография ни в коем случае не является хронологически расположенной библиографией, — писал П. Н., — хотя строится, конечно, на материалах последней. Отличительная черта литературной историографии состоит в том, что она представ-

¹⁶ Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII в. Ч. 1: Очерк литературной историографии XVIII в., с. 15—16.

ляет историю историко-литературных концепций...» — и далее — «правильно понимаемая литературная историография должна раскрывать эту историческую обусловленность борющихся концепций»¹⁷. Таким образом литературная историография может помочь современному исследователю отбросить субъективное, неверное, исторически ограниченное и использовать то объективное, ценное, что содержится в прежних исследованиях.

Те же особенности характеризуют и многочисленные работы П. Н. по теории библиографии: «Библиография и научная работа» (1957), «Международное сотрудничество славистов и вопросы организации славяноведческой библиографии» (1958), «Место библиографии в работе молодого ученого» (1958) (эта работа переведена на чешский язык), «Библиографическая эвристика. (К теории и методике библиографических разысканий)» (1960), «Советская литературоведческая библиография между IV и V Международными съездами славистов» (1963) и др. Библиография для П. Н. — самостоятельная наука в том смысле, что она обладает собственным методом, собственным кругом вопросов. Однако, как и все гуманитарные науки, она одновременно имеет и служебное значение. Она призвана облегчить ученому розыски необходимых книжных материалов, помогать ему в его научной работе. В этом же смысле такое же служебное значение имело для П. Н. и библиофильство. Он ценил библиофильстве не любовь к книге как таковой, а книжное дело человечества, любовь к книге, без которой не может существовать ни сама книга, ни книжное знание ученых (см. его интереснейшие книги «О людях и книгах», 1965 и «Русские книголюбцы», 1967).

Целый ряд работ П. Н. посвящен общим и частным проблемам текстологии: «Об одной мнимой опечатке у Гоголя» (1954), «Проблема атрибуции в зарубежном и русском литературоведении» (1960), «„Смелый властелин“ или „Смелая сатира“? (К текстологии строфы XVIII главы первой «Евгения Онегина»)» (1962), «Корректурa и текстология» (1962), «Издания русских поэтов XVIII века. История и текстологические проблемы» (1963), «Проблемы современной текстологии» (1963).

¹⁷ Там же, с. 251—252.

В отличие от авторов многих текстологических работ последнего времени П. Н. Берков учитывал зарубежный опыт и зарубежные точки зрения на обсуждаемые проблемы. Учитывая их, он являлся противником механистической текстологии и во всей своей текстологической практике считался прежде всего с характером и духом произведения, со способами и приемами работы автора, его «писательской техникой».

Из работ П. Н. источниковедческого характера следует упомянуть его замечательную работу «О переходе скорописи XVIII века в современное русское письмо» (1964), где он впервые поднимает вопрос об образовании современных почерков, резко отличных от скорописи XVII и XVIII вв. Работ, посвященных палеографии нового времени, у нас не так уж много. Само название этой дисциплины указывает на то, что ею занимаются те, кого в первую очередь интересуют древние почерки и рукописи, но потребность в изучении нового письма, бумаги XIX и XX вв. чрезвычайно велика. Палеография нового времени будет развиваться, и в ней это исследование П. Н. займет в свое время одно из основополагающих мест.

Несмотря на то что П. Н. Беркову принадлежит довольно большое число работ, посвященных задачам изучения той или иной области литературоведения¹⁸, и теоретических работ по технике литературного исследования, по теории библиографии¹⁹, он никогда

¹⁸ См. например: «О преподавании литературы народов СССР в высшей школе» (1951), «Введение в технику литературоведческого исследования» (1955), «Русская литература XVIII века» (1956), «Итоги, проблемы и перспективы изучения русской литературы XVIII века» (1958), «Проблемы изучения международных литературных отношений: (Литературный обмен, национальные традиции, литературное новаторство и национальная специфика литературы)» (1960, 1962), «Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Ч. 1: Очерк литературной историографии XVIII века» (1964), «Итоги, современное состояние и ближайшие задачи изучения жизни и творчества В. Я. Брюсова» (1964), «Проблемы изучения русского классицизма» (1964), «Проблема национальных традиций русской литературы XVIII века» (1966).

¹⁹ «„Общие библиографии русских книг гражданской печати 1708—1955“ М. В. Сокуровой и некоторые вопросы из области теории

не спускался до менторства в науке. Все его рекомендации и указания вполне конкретны. Личным примером, примером своих собственных исследований он создал в целом свою научную школу.

4

Научная деятельность П. Н. Беркова была неразрывно связана с его общественной деятельностью и педагогической практикой. Начав ее как педагог средней школы, П. Н. уже в 1925 г. вступил на трудную стезю преподавания в высших учебных заведениях. В 1925—1926 гг. — он ассистент Педагогического института им. А. И. Герцена. В 1934 г. он начинает преподавательскую деятельность в Ленинградском государственном университете в качестве доцента, а вскоре и профессора. Во время войны он был профессором Киргизского педагогического института (Пржевальск — Фрунзе), по возвращении в Ленинград снова стал преподавать в Ленинградском университете. Профессором Ленинградского университета он оставался до самой кончины 9 августа 1969 г.

Свой опыт чтения лекций П. Н. обобщил в замечательном докладе «О методике вузовской лекции», прочитанном им в Ленинградском университете и имевшем очень большой успех у слушателей. К сожалению, доклад этот так и остался ненапечатанным.

Преподавание для П. Н. Беркова было прежде всего заботливым выращиванием молодых специалистов. Немало его собственных научных трудов выросло в ответ на требования педагогической работы. К ним относятся его статьи по национальным литературам

и истории библиографии» (1956), «Новинки советской литературоведческой библиографии: (Несколько замечаний о нуждах советского литературоведения в области библиографии)» (1956), «О библиографических трудах по русской периодической печати» (1956), «Библиография и научная работа» (1957), «Международное сотрудничество славистов и вопросы организации славяноведческой библиографии» (1958), «Место библиографии в работе молодого ученого» (1958), «Библиографическая эвристика: (К теории и методике библиографических разысканий)» (1960), «Советская литературоведческая библиография между IV и V Международными съездами славистов» (1963).

народов СССР, труды по технике литературоведческих исследований и библиографических изысканий, различного рода работы о задачах, путях и методах исследования литературы XVIII в. Стремление научить студентов работать, передать свои знания, наметить темы будущих исследований сказывалось почти во всей деятельности П. Н. Он был таким же темпераментным педагогом, как и исследователем. Темперамент этот выражался прежде всего в том, что он не только много давал своим ученикам, но и много с них спрашивал. Он требовал от них самостоятельности, собственных точек зрения, однако решительно осуждал скороспелые открытия, необоснованные выступления, стремление как можно скорей и легче утвердить свое место в науке.

Общественный темперамент П. Н. проявлялся в его всегда значительных и горячих выступлениях на собраниях, совещаниях, съездах и конференциях. Противник групповщины, несправедливости, он боролся с недооценкой тех или иных специалистов или их отдельных работ.

Мораль и наука для П. Н. были связаны неразрывно. Не считаясь с личными интересами, он был готов заступиться за товарища по специальности, которого несправедливо обходят, или резко выступить против демагогии, «нажима», попытки обмануть общественное и научное мнение.

Разносторонность научных интересов П. Н. — это разносторонность тех личностей, которые он изучал. Он занимался тем, чем занимались они. Он жил их интересами, проходил вслед за ними их путь. Он работал часто не по своей специальности, а по специальности тех, кого он изучал, сохраняя за собой главную свою специальность — человековедение.

В своем интересе к людям и к создаваемой ими культуре, в своем глубоком уважении и любви к русской культуре и к культуре народов Советского Союза П. Н. Берков был подлинным гуманистом. Он был гуманист и потому, что в своем лице воскресил тип ученых эпохи гуманизма — с их глубокими филологическими познаниями, с их поражающей эрудицией и разносторонностью и их «бенедиктинским трудолюбием».

Академик *Д. С. Лихачев*